

просившую мебель для детского дома.⁴⁶ Мебели хватало в законсервированных «очагах» — значительную часть детей эвакуировали из Ленинграда. Это не являлось основанием для отказа в помощи. Причиной могли стать и усталость, и страх ответственности, и эгоизм. И не важно, чем они маскировались: видя, как не делали того, что могли сделать, сразу можно определить степень милосердия.

Привилегии

1

Система привилегий в блокадном Ленинграде ни для кого не являлась тайной. Принципы, на которых она основывалась, новыми не были. Преимуществом пользовались люди, находившиеся у власти, и «нужные» специалисты (директора предприятий и учреждений, высококвалифицированные инженеры и рабочие, ученые). Ценность специалистов считалась относительной и «ситуативной». Ценность государственных и партийных работников являлась абсолютной. Известно, что уровень смертности коммунистов во время блокады был в два раза ниже общего уровня смертности в городе.⁴⁷ Этот разрыв мог увеличиться, если бы учитывались не все члены партии, а только те, кто занимал руководящие должности. «Из состава аппарата райкома, Пленума райкома и из секретарей первичных организаций никто не умер», — вспоминал первый секретарь Ленинского райкома ВКП(б) А. М. Григорьев.⁴⁸ Рядовые же коммунисты не имели, как и другие жители Ленинграда, надежных источников пропитания. Испытывали ли при этом «ответственные работники» чувство раскаяния и стыда?

Отвечая на этот вопрос, отметим прежде всего те аргументы, которыми оправдывали наличие льгот. Если бы привилегии

46 Стенограмма сообщения Бушель Р. И. // НИА СПб ИИ РАН. Ф. 332. Оп. 1. Д. 21. Л. 11.

47 Бидлак Р. Рабочие ленинградских заводов в первый год войны. С. 179.

48 Стенограмма сообщения Григорьева А. М. // НИА СПб ИИ РАН. Ф. 332. Оп. 1. Д. 32. Л. 10.

предоставлялись лишь ограниченной группе лиц, несправедливость их была бы очевидной. Но они давались (конечно, в гораздо меньших размерах) и различным слоям горожан, и нередко в первую очередь самым слабым и беспомощным. Мысль о привилегиях многим не представлялась греховной. С раздражением говорили о «смольнинских» пайках, но понимали, что нельзя в равной степени оценивать труд в «горячих» цехах и уборку территорий остановленных заводов. Ежедневно приходилось осуществлять разделение людей на более или менее ценных, давать пайки одним и отказывать другим. Едва ли при этом могли иметь особое значение личные пристрастия. Должны были следовать нормативным инструкциям и потому воспринимали такой порядок не как произвол, а как важное государственное дело. Но там, где признавали оправданным разделение людей и не считали его зазорным, там и собственные привилегии не должны были вызывать категоричный негативный отклик. Они менее явственно могли восприниматься как грубое нарушение этики еще и потому, что работа во внеурочное время, объем обязанностей, степень ответственности и сложности труда представителей власти позволяли быть оправданием лучшего вознаграждения их заслуг. Да и не так часто приходилось оглядываться на других, опасаясь их осуждения. Надеждой на то, что могут получить разными способами (обычно «связями») продукты, недоступные для многих, жили тысячи блокадников — скрывать это незачем.

2

Чувство стыда (и то не всегда) усиливалось лишь тогда, когда различие между уровнями питания «ответственных работников» и простых блокадников оказывалось чрезмерным по любым меркам. Примечательна в связи с этим история Н. А. Рибковского. Освобожденный от «ответственной» работы осенью 1941 г., он вместе с другими горожанами испытал все ужасы «смертного времени». Ему удалось спастись: в декабре 1941 г. он был назначен инструктором отдела кадров Ленинградского горкома ВКП(б). В марте 1942 г. его направляют в стационар горкома в поселке Мельничный Ручей. Как всякий блокадник, переживший голод,

он не может в своих дневниковых записях остановиться, пока не приведет весь перечень продуктов, которыми его кормили: «Питание здесь словно в мирное время в хорошем доме отдыха: разнообразное, вкусное, высококачественное... Каждый день мясное — баранина, ветчина, кура, гусь... колбаса, рыбное — лещ, салака, корюшка, и жареная, и отварная, и заливная. Икра, балык, сыр, пирожки и столько же черного хлеба на день, тридцать грамм сливочного масла и ко всему этому по пятьдесят грамм виноградного вина, хорошего портвейна к обеду и ужину... Я и еще двое товарищей получаем дополнительный завтрак, между завтраком и обедом: пару бутербродов или булочку и стакан сладкого чая».⁴⁹

«В воскресенье самое хорошее выбрасывали», — запишет в дневнике оголодавшая девочка, питавшаяся с падавшей от истощения матерью отбросами на помойке. «Самое хорошее» — вот мерка ценностей не имевших льгот людей того времени, где смещались все пропорции и понятия. Н. А. Рибковский когда-то находился среди них, и недаром его так подкармливали в стационаре. И ему явно неловко, ему хочется оправдаться, хочется думать, что не только здесь живут как в «хорошем доме отдыха»: «Товарищи рассказывают, что районные стационары нисколько не уступают горкомовскому стационару, а на некоторых предприятиях есть такие стационары, перед которыми наш стационар бледнеет».⁵⁰ Сохранились сведения о нормах отпуска продуктов в стационаре Сталепрокатного завода. Даже хлеба там давали меньше, не говоря уж об ассортименте блюд; мяса и крупы полагалось по 40 г в день.⁵¹ Н. А. Рибковский и его сослуживцы могли и не знать об этом, а если бы и узнали, вряд ли отказались от льгот — не только из-за голода, но и потому, что им и не позволили бы этого сделать. Здесь примечательнее всего тот стыд, который они испытывают: не оправдаться было нельзя. Обуславливал ли этот стыд признание льгот аморальными? Нет. Представление о собственной значимости, об уникальности и ценности своего труда не оспаривались никогда. Можно было только утешиться тем, что делились «ответственными пайками»

49 Запись в дневнике Н. А. Рибковского от 5 марта 1942 г., цит. по: *Козлова Н. Советские люди*. С. 268.

50 Там же. С. 268–269.

51 *Соколов Г. Я.* [Стенографическая запись воспоминаний]. С. 565.

с другими, успокоить себя слухами об обильной пище в иных стационарах — но ощущение правильности разделения людей по категориям оставалось всегда.

Читая стенограммы сообщений руководителей предприятий, замечаешь одну деталь. Если удавалось неожиданно подкормиться или обнаруживали запасы чего-нибудь съедобного, обязательно часть их отдавали партийным и советским работникам. Директор фабрики «Светоч» А. П. Алексеева оберегала, как могла, найденную на складах картофельную муку, но об этом прознали, и пришлось кое-что отдать «нашим товарищам из райкома и советского аппарата». ⁵² Заместитель начальника Ленинградского торгового порта Б. С. Бернштейн, говоря о том, что свежая рыба не только раздавалась рабочим, но и «шла в город», счел возможным назвать только одного из ее получателей: «...в частности, шла в РК партии». ⁵³

Те же подходы наблюдались и в других случаях. Известно, что бомбоубежища в городе создавались наспех, часто в не подготовленных для защиты от поражения помещениях. Неужто и работники прокуратуры, подобно тысячам ленинградцев, должны сидеть в этих «каменных гробах» в давке, без скамей, каждую минуту опасаясь, что будут погребены под их обломками? Нет. «Проектируем комфортабельное бомбоубежище для прокуратуры», — записывает в дневнике сотрудница городского АПУ. ⁵⁴

Известно, что эвакуация в начале 1942 г. являлась мечтой тысяч горожан. Ввиду нехватки транспорта выехать можно было только по ордерам, и немало людей погибло, так и не дождавшись своей очереди. Жена первого секретаря обкома комсомола одной из уральских областей, собиравшаяся выехать к мужу, была, похоже, уверена, что ордера необходимы не ей, а тем, кто попроще. Она даже не предъявила никаких документов руководителю эвакуируемой группы рабочих, который включил ее в список отъезжавших «как свою жену». ⁵⁵ И отказаться он не мог, боясь неприятностей, и подозревал ее в мошенничестве. Это единственное, что его беспокоило; в ее праве претендовать

52 Стенограмма сообщения Алексеевой А. П. Л. 6 об.

53 *Бернштейн Б. Л.* Ленинградский торговый порт в 1941–1942 гг. С. 205.

54 *Левина Э.* Письма к другу (запись от 28 февраля 1942 г.). С. 201.

55 *Шулькин Л.* Воспоминания баловня судьбы С. 153.

на особое положение он не сомневался. Другой блокаднице повезло встретить знакомого работника обкома, который помог эвакуироваться вместе с заводом «Красный выборжец»,⁵⁶ — и он, вероятно, не сомневался в своем праве самому решать, кто достоин ехать, а кто нет.

Известно, как голодало население Ленинграда в 1941–1942 гг. Одна из девушек, член комсомольско-бытовой бригады, позднее отмечала, что выжила только потому, что ее «прикрепили» к райкомовской столовой, где «один раз в день можно было поесть хорошо».⁵⁷ Эти столовые для «ответственных работников» хотя и не всегда значительно, но все же отличались от столовых предприятий.⁵⁸ Если директора фабрик и заводов имели право на «бескарточный» обед, то руководители партийных, комсомольских, советских и профсоюзных организаций получали еще и «бескарточный» ужин.⁵⁹ В Смольном из «карточек» столоующихся целиком отрывали только талоны на хлеб. При получении мясного блюда отрывалось лишь 50 % талонов на мясо, а блюда из крупы и макарон отпускались без «карточек».⁶⁰ Точные данные о расходе продуктов в столовой Смольного недоступны до сих пор, и это говорит о многом.

56 Налегатская А. В. [Запись воспоминаний]. С. 190.

57 Котов С. Детские дома блокадного Ленинграда. С. 176.

58 «Я устроилась... в райсовет на 200 р. в месяц делопроизводителем. Есть неплохая столовая. Из-за нее и поступила» (В. Н. Дворецкая — В. А. Дворецкой. 1 декабря 1941 г.); «Обедал в столовой РК партии. Там питалось человек 25. Было у нас котловое довольствие. Утром давали стакан чая, не горячего... Чай давался несладкий, и к чаю давали ложки полторы каши... В обед давали, как правило, щи из хряпы и кочерыжек, а на второе котлеты, приготовленные из технических (колбасных) кишек, или казеиновые лепешки. Вечером стакан чая и ложки полторы каши. Хлеба давали в пределах нормы» (Саванин А. С. Ленинградская городская контора Госбанка в годы войны // Доживем ли мы до тишины. С. 226); «Питание в этой столовой [горкома комсомола. — С. Я.], как всюду, отпускалось по продовольственным карточкам... Но все же там иногда давали кое-какие дополнительные блюда из овощей и других второстепенных продуктов. Эта столовая хотя и не давала возможности утолить голод, но все же помогла нам не умирать с голоду... Весной... была открыта столовая для партактива, и мы стали питаться более упитаннее» (Воспоминания Е. А. Соколовой о работе Института истории партии при Ленинградском ОК КПСС в годы Великой Отечественной войны // ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 18. Д. 486. Л. 50–50 об.).

59 Ковальчук В. М. 900 дней блокады. С. 91–92.

60 Там же. С. 91.

Среди скурых рассказов о питании в Смольном, где слухи перемешались с реальными событиями, есть и такие, к которым можно отнестись с определенным доверием. О. Гречиной весной 1942 г. брат принес две литровые банки («в одной была капуста, когда-то кислая, но теперь совершенно сгнившая, а в другой — такие же тухлые красные помидоры»), пояснив, что чистили подвалы Смольного, вынося оттуда бочки со сгнившими овощами.⁶¹ Одной из уборщиц посчастливилось взглянуть и на банкетный зал в самом Смольном — ее пригласили туда «на обслуживание». Завидовали ей, но вернулась оттуда она в слезах — никто ее не покормил, «а ведь чего только не было на столах».⁶²

И. Меттер рассказывал, как актрисе театра Балтийского флота член Военного совета Ленинградского фронта А. А. Кузнецов в знак своего благоволения передал «специально выпеченный на кондитерской фабрике им. Самойловой шоколадный торт»;⁶³ его ели пятнадцать человек и, в частности, сам И. Меттер. Никакого постыдного умысла тут не было, просто А. А. Кузнецов был уверен, что в городе, заваленном трупами погибших от истощения, он тоже имеет право делать щедрые подарки за чужой счет тем, кто ему понравился. Эти люди вели себя так, словно продолжалась мирная жизнь и можно было, не стесняясь, отдыхать в театре, отправлять торты артистам и заставлять библиотекарей искать книги для их «минут отдыха».

3

В представлениях «ответственных работников» о привилегиях учитывалось не только то, что они имеют право на лучшее питание. Отбор людей на ценных и неценных не проходил бесследно. Признавалось необходимым и разделение по категориям, и, соответственно, нормам пайков самих представителей власти. Характерно, что инструктор политотдела управления милиции была наказана за то, что питалась по «карточкам» иждивенца,

61 Гречина О. спасаюсь спасая. С. 278.

62 Литвин Е. Д. «В тяжелые времена нет полутонов...» // Испытание. С. 118.

63 Меттер И. Допрос. С. 50.

эвакуированного из города. Ей вынесли партийный выговор, уволили из управления, но потом сжалились и перевели на должность сотрудника Института истории партии, предупредив, что до снятия взыскания ей предстоит работать здесь завхозом.⁶⁴

«Все запасы... были к тому времени израсходованы, и я искал, чего бы пожевать. Я нашел стеариновую свечку и жевал ее», — вспоминал первый секретарь Октябрьского РК ВЛКСМ Б. П. Федоров.⁶⁵ Мать угощала его корнями одуванчиков, варила студень из ремней. Своего заместителя на партийно-хозяйственный актив он «вел таким образом: пройдешь километр — дам тебе кусочек хлеба».⁶⁶ И секретарь Московского РК ВЛКСМ М. И. Горбачев счел необходимым подчеркнуть: «Работники райкома комсомола никакими привилегиями не пользовались».⁶⁷

Все эти признания сделаны для стенографов во время войны, когда пережитое не потускнело, не покрылось пафосными наслоениями и были живы еще люди, способные их подтвердить или опровергнуть. Районные комсомольские работники являлись, пожалуй, самым низшим звеном в запутанной иерархической структуре власти. И примечательно, что в рассказах руководителей райкомов партии и райисполкомов столь откровенных высказываний мы почти не найдем.

В стенограмме сообщения председателя Василеостровского райисполкома вообще чувствуется какой-то сумбур, едва он начинает говорить о привилегиях. Все оборвано, хаотично, но при этом ощущаются нарочитые умолчания. Секретарь райисполкома, по его словам, являлась «дистрофиком», спала прямо в кабинете и ее никак нельзя было разбудить. В райкоме партии ему давали консервированные фрукты, а о том, чем же он еще питался, не сказано ни слова. «Мы получали тоже по 125 граммов хлеба»,⁶⁸ — читать это неловко.

64 Воспоминания Е. А. Соколовой... Л. 55.

65 Федоров Б. П. [Стенографическая запись воспоминаний] // Оборона Ленинграда. С. 465.

66 Там же. С. 468.

67 Горбачев М. И. [Стенографическая запись воспоминаний] // Оборона Ленинграда. С. 459.

68 Стенограмма сообщения Кускова А. А. Л. II об.

В зависимости от уровня органов власти определялся и перечень выдаваемых их служащим товаров и продуктов. Как отмечал в своих записках В. Кочетов, в полузакрытом «генеральском» магазине во дворе штабного здания ЛВО еще в сентябре 1941 г. имелось только шампанское,⁶⁹ а в буфете «Ленинградской правды» и в конце осени «получили сверх карточек роскошнейшие продукты, какие до войны-то не каждый... выдывал на своем столе: первосортные консервы из крабов, отличную зернистую осетровую икру»; не было там, правда, хлеба.⁷⁰

Лучше питались руководители среднего звена партийно-советских органов. 17 декабря 1941 г. исполком Ленгорсовета принял постановление, в соответствии с которым позволялось отпускать ужин без зачета продовольственных «карточек» секретарям райкомов РКП(б), председателям райисполкомов и их заместителям.⁷¹

Картина того, как относились к привилегиям «ответственные работники», была бы неполной, если не отметить, как они воспринимали просьбы о помощи другим группам городского населения. Вот здесь их «государственный подход» обнаружился в наибольшей степени. Всех удовлетворить, конечно, было нельзя, но на фоне излишеств чиновников становилось особенно заметным, сколь скупой рукой отпускались блага прочим блокадникам. В постановлении исполкома Ленгорсовета 23 декабря 1941 г. об организации детских елок разрешалось «выдавать бесплатные билеты детям семей рядового и младшего командного состава РККА и РККФ, семей пенсионеров и остро нуждающихся, но не свыше 30 % от общего количества билетов».⁷² Стоил билет 5 рублей: даже здесь, где деньги мало что значили, занимались крохоборством.

И такие же сцены, где кажущиеся целесообразными доводы не в состоянии скрыть безразличия к судьбам тех, кого не допустили к «кормушке» и кто не умел постоять за себя, можно наблюдать не раз. Чаще отказывали в повышении норм пайка горожанам, чей труд не имел практической пользы, не являлся

69 Кочетов В. Улицы и траншеи. С. 148.

70 Там же. С. 176.

71 Ковальчук В. М. 900 дней блокады. С. 91.

72 900 героических дней. С. 241.

значимым для жизнеобеспечения Ленинграда, для выживания его населения. Осуждать за это нельзя, «верхи» руководствовались той логикой, которая, даже будучи жестокой, могла иметь оправдания. Но нужно посмотреть и на то, как происходил этот отказ. Г. А. Князев писал, с каким усердием его знакомая пыталась «выхлопотать» ему «карточку» I-й категории. «Везде ее энергия разбивалась о холодные, пустые стены бюрократического аппарата»,⁷³ — фразу можно счесть риторикой обиженного, если бы не знать о деталях этой истории. Составленные им заявления терялись, а когда речь зашла о повышении норм пайков не только для директора, но и для всех кандидатов наук, сразу последовал категоричный отказ. Пытаясь разжалобить профсоюзных служащих из Ленинградского обкома Союза высшей школы и научных учреждений, их спросили: «Что же им остается — умирать?»⁷⁴

«Возможно, что и умирать», — сказали просительнице. Когда «ответственные» люди ежедневно определяли, кому жить, а кому погибать, маскируя это для себя и для других бюрократической фразой о «решении вопроса о пайках», они могли и не почувствовать цинизма ответа. Притуплялось все, уставали от бесконечных прошений, от одних и тех же слов и жестов и, возможно, хотели быстрее закончить этот бесполезный и нескончаемый разговор — резко, наотмашь, без стеснений.

История «пишем во власть» академика И. Ю. Крачковского полна такого же рода «отписками». Он был единственным академиком в городе и, вероятно, надеялся, что его положение, возраст, талант и заслуги станут залогом лучшего отношения к нему со стороны властей. Правда, просить о помощи он посмел, лишь находясь у порога смерти, — и то обходными путями. Писал он своим друзьям — академикам в Казахстан, а те отправили телеграфный запрос в Ленгорсовет, заручившись поддержкой президента АН СССР В. Л. Комарова.

Их просьба застала врасплох П. С. Попкова — в Смольном до этого, похоже, никто и не думал интересоваться судьбой ученого. Телеграмма президента — это не мольба безвестного блокадника, с которым обычно не церемонились. Она могла иметь

73 Из дневников Г. А. Князева (запись от 6 января 1942 г.). С. 34.

74 Там же.

неприятные последствия, и никто не знал, к кому еще обратятся и у кого оно вызовет придирчивые вопросы об истинном положении в городе, — бюрократические игры сложны. В конце февраля 1942 г. начальнику административно-хозяйственного управления академических учреждений (ЛАХУ) М. Е. Федосееву (до самого И. Ю. Крачковского не снизили) позвонили из секретариата П. С. Попкова и сразу же объяснили причину беспокойства: получение телеграммы президента АН СССР. Игнорировать таких ходатаев не полагалось, им нужно было что-то отвечать. Спросили начальника ЛАХУ о том, жив ли академик. Получив подтверждение, прекратили разговор. Помощь ему никто не предложил, да, вероятно, и считали ее излишней. Ничего не произошло, никто не погиб, волноваться не о чем — так можно было и сообщить В. Л. Комарову. Работнику секретариата П. С. Попкова сказали, что у академика имеется телефон, ему можно позвонить, — никто звонить не стал. Тогда начальник ЛАХУ позвонил сам — в секретариате ответили, что никаких телеграмм не получали.⁷⁵

Все типичные бюрократические ходы налицо. Виден «расклад» значимых и незначимых фигур: к одним необходимо прислушиваться, других не нужно замечать. Ни одного сбоя, все отшлифованные приемы «отписок» и умолчаний применены виртуозно и последовательно. И никого не поймать за руку, не попенять ему на черствость — всегда можно сослаться на обстоятельства.

В марте 1942 г. И. Ю. Крачковский почувствовал голод так остро, что, презрев гордость и самолюбие, напрямую обратился к П. С. Попкову. Просил прислать врачей, говорил о лекарствах и витаминах — ответа нет. Пришлось унижаться снова. На жалость рассчитывать нельзя — он это понял. Чиновники пуще всего боятся ответственности — не сыграть ли на этом? И. Ю. Крачковский с какой-то отменной деликатностью, видимо остерегаясь лишней раз обидеть чиновника или прослыть склочником, пробует объяснить П. С. Попкову, чем опасно это бездействие лично для председателя Ленгорисполкома: «...было бы нежелательно, чтобы те неизвестные мне сведения, которые без всякого моего участия дошли до Президиума АН в г. Свердлов-

75 Долина А. А. Невольник чести. СПб., 2004. С. 323.

ловске, стали распространяться шире в нашей или зарубежной среде, давая ложный повод к неправильным толкованиям об отношении к ученым, продолжающим работу на своем посту в г. Ленинграде». ⁷⁶ Нет ответа — академик не является тем лицом, которого следовало бы бояться и чьи намеки обязаны воспринимать. Опасаться следовало гнева А. А. Жданова — а когда И. Ю. Крачковский обратился и к нему, события приняли неожиданный оборот. Академика навестили служащие Гоздравотдела, ему дали не только лекарства и витамины, но и свежее мясо, белый хлеб, крупу, масло, курагу, муку, печенье, шоколад... Оказывается, все можно было получить, — требовалось лишь за полшага до смерти настойчиво и находчиво, прибегая то к одной, то к другой комбинации, обдуманно выбирая лучшие рычаги, успеть доказать свое право питаться так же, как «ответственные работники».

Мы намеренно столь подробно осветили данный эпизод. Это лишь частный случай — а изучая его, кажется, что наяву слышишь скрежет проржавевшей бюрократической машины. И речь ведь шла не о каких-то несправедливо присвоенных привилегиях. Люди заслужили их, но чего стоило их добиться — и что говорить о других ленинградцах, у которых не было влиятельных ходатаев и которые сгнули, не оплакиваемые никем, в блокадной мгле. Можно, ссылаясь на трудности войны, попытаться оправдать это желание «ответственных работников» сократить ряды «льготников». Но почему же они не так придирчиво относились к себе? Разве «усиленные» пайки не давались именно за умение работать в чрезвычайных условиях и находить выходы из сложных и запутанных ситуаций? Узнать, так ли это было на деле, труда не составляло. Достаточно взглянуть на городской быт декабря 1941 г. — января 1942 г., да и более поздних времен — сколько там было бесхозяйственности, нежелания просчитывать свои поступки хотя бы на один шаг вперед, невнимания к людям, что никак нельзя было оправдать лишь голодом и разрухой.

Стремление чиновников жить лучше, чем другие, понятно, и осуждать их, казалось, не за что — все хотели так жить. Но там, где у них появлялась возможность *самостоятельно* решать, как и за чей счет лучше питаться, — там и дано нам отчетливо опре-

76 Письмо И. Ю. Крачковского П. С. Попкову 19 марта 1942 г., цит. по: Долина А. А. Невольник чести. С. 324.

делить уровень их этики. Если бы необходимость усиленного питания диктовалась только законами выживания, в представлениях «ответственных работников» о допустимости привилегий для себя можно еще попытаться увидеть частицу «блокадной» правды, хотя и жестокой. Но мы знаем, как жили многие из тех, кто имел доступ к власти, а значит, и к продуктам. Мысль о том, что нельзя роскошествовать (пусть и по блокадным меркам) на виду у людей, не имевших крошки хлеба, как-то не прижилась у части «ответственных работников» — моральные запреты нарушались, как и в прошлом, нередко очень легко.